

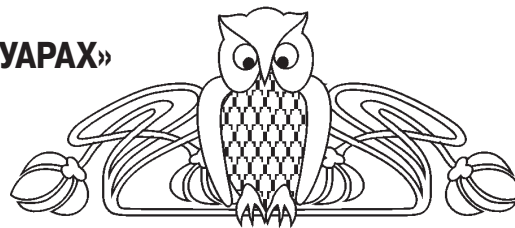

УДК 821.133.1.09–3+929Монпансье

ОБРАЗ ОПАЛЬНОЙ ПРИНЦЕССЫ В «МЕМУАРАХ» МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ МОНПАНСЬЕ

С. Ю. Павлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматривается образ протагонистки в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье, связанный с описанием ее жизни в изгнании после окончания Фронды. Анализируется влияние королевской немилости на изменение взглядов и внутреннего мира героини. Соотнесение фрагментов текста, написанных в период ссылки и после ее окончания, позволяет продемонстрировать углубление интроспекции и сделать вывод о значении мемуарного жанра для судьбы опальной принцессы.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, образ протагонистки, Мадемуазель де Монпансье, Фронда.

The Image of a Disgraced Princess in *Memoires* by Mlle de Montpensier

S. Yu. Pavlova

The article considers the protagonist image in *Memoires* by Mlle de Montpensier, related to the description of her life in exile after the Fronde events. The author analyzes how the royal disfavor impacts the changes in the views and inner world of the heroine. Comparing the text extracts written in exile with those written after it was over allows to show how the introspection deepens, and to draw the conclusion on the meaning of the memoire genre in the fate of the disgraced princess.

Key words: memoires, French literature of the XVIIth century, protagonist image, Mlle de Montpensier, Fronde.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-50-53

Знаменитые «Мемуары» Анны-Марии-Луизы Орлеанской, герцогини де Монпансье, именуемой согласно титулу Мадемуазель, последовательно охватывают основные этапы ее жизни, в том числе период пятилетнего пребывания в ссылке с конца октября 1652 г. по август 1657 г. Причиной ее опалы стало участие в событиях Фронды и, главным образом, роковой приказ стрелять из пушек Бастилии по армии короля во время сражения в Сент-Антуанском предместье Парижа. Герцогиня не получала указания удалиться из столицы, но, осознавая его неизбежность, покинула город по собственной инициативе, чтобы не подвергнуться еще более суровому наказанию – аресту. Она поселилась в замке Сен-Фаржо и оставалась там вплоть до окончания королевской немилости, лишь изредка покидая пределы своих владений.

Именно в ссылке Мадемуазель приступила к созданию мемуаров. Для принцессы, привыкшей к активному участию в жизни двора, запись воспоминаний стала своеобразной терапией, позволившей поддерживать ощущение статус-кво. Подобно

большинству опальных мемуаристов-фрондеров XVII в., она начала работать над рукописью в надежде избежать скуки, заполнить свободное время интересным занятием и разнообразить свой досуг. Об этом герцогиня сообщает уже в небольшом авторском предуведомлении к тексту. Размышляя о непривычном для себя положении изгнанницы, она с удивлением констатирует, что мемуаротворчество неожиданно сделало ее времяпрепровождение необычайно приятным: «... с тех пор, как я оказалась в своих владениях, я испытываю сладостное чувство от того, что воспоминание обо всем, что произошло в жизни, приятно занимает меня и дает возможность не считать время в уединении...»¹

Мадемуазель взялась за свою рукопись в начале 1653 г., т. е. всего через несколько месяцев после переезда в Сен-Фаржо. Столь быстро возникшее желание писать мемуары свидетельствует о том, что потребность лично рассказать о недавнем прошлом была в ней довольно сильной. На начальном этапе мемуаротворчества герцогиню во многом вдохновляло желание вспомнить и вновь пережить недавние яркие моменты своей биографии. В отличие от мемуаристов-мужчин, претендовавших на создание хроники Фронды и корректировку версии официальной историографии, Мадемуазель стремилась рассказать только о своем участии в событиях и «объяснить свой образ действий»². За несколько месяцев она описала свою жизнь с момента рождения до «дела в ратуше» (299), имевшего место вскоре после сражения в Сент-Антуанском предместье, затем, дойдя до начала гонений, прервала работу и к воссозданию периода ссылки вернулась только через пять лет. Соответственно хронологии создания текста в мемуарах возникают образ героини, увиденной глазами находящейся в вынужденном удалении от двора мемуаристки, и образ опальной принцессы, воссозданный уже после окончания ссылки.

Отмеченная временная дистанция между разными этапами мемуаротворчества позволяет проследить влияние изгнания на образ протагонистки. Прежде всего отметим, что уже в течение первого года жизни вдали от королевского двора Мадемуазель начала довольно активно пробовать перо. Речь идет не только о мемуарах. Ее первым литературным детищем, написанным в Сен-Фаржо, стала «История Жанны Ламбер д'Эрбини, маркизы де Фукероль»³. Неоконченную рукопись

этого произведения, включающего элементы разных жанров и написанного в соавторстве с придворными дамами, герцогиня взяла с собой в ссылку и завершила зимой 1652–1653 гг. По ее указанию оно было напечатано непосредственно в замке в строжайшем секрете. Подчеркнутая таинственность этого процесса иллюстрирует характерное для знати отношение к литературному творчеству как недопустимому, но вместе с тем желанному виду деятельности.

В период жизни в Сен-Фаржо к опытам сочинительства добавился еще один способ нескучного проведения досуга – книги. По признанию мемуаристки, именно в это время она «начала любить чтение» (297). В числе ее книжных предпочтений были «Мемуары» Маргариты де Валуа. Первые опубликованные в 1628 г., они были переизданы в 1649 г., т. е. незадолго до того, как Мадемуазель решилась реализовать похожий замысел. Эта книга была ей особенно близка в силу статуса мемуаристки и созданного ею образа принцессы, гордой, сильной, независимой и не сломленной несчастьями⁴.

В мемуарах герцогини де Монпансье высокий статус представительницы дома Бурбонов является определяющим для образа протагонистки. Эта особенность проявляется уже в первых крупных фрагментах повествования, связанных с детско-юношеским периодом жизни Мадемуазель и ее участием в событиях Фронды. Отметим, что оба фрагмента были написаны в первые месяцы ссылки, что повлияло на образ героини. В воспоминаниях детства она предстает истинной принцессой, которую балует королевская чета и радуется отец. Юная Мадемуазель с гордостью ощущает свою принадлежность к славной династии и с уверенностью смотрит в многообещающее будущее⁵. Мадемуазель важно с первых страниц мемуаров подчеркнуть свой высокий статус и показать, что гармония отношений с королевской семьей выступает важнейшей составляющей жизни протагонистки. В воспоминаниях о детских годах явственно звучат ностальгические интонации и одновременно надежда на возможность «восстановить доверительные и естественные отношения с королевской семьей, которой она так близка по крови»⁶.

Высокий ранг члена королевской семьи априори служит для Мадемуазель гарантией верного служения интересам монархии. Эта идея, кристаллизуясь в воспоминаниях детства, фундирует образ протагонистки в следующем фрагменте повествования, связанном с Фрондой. Действия героини в марте-июле 1652 г. мемуаристка объясняет идеей долга перед монархом и отцом, причем в том особом понимании, которое сложилось в среде высшей французской знати в годы гражданского противостояния. Своё предназначение герцогиня де Монпансье видела в укреплении государственности путем усиления союза короля и принцев крови в противовес влиянию Мазарини.

Ее позиция отражала представление большинства французов о том, что итальянское происхождение кардинала делало его врагом национальных интересов. Следуя этой логике, мемуаристка создает возвышенный образ дочери Франции, вставшей на защиту интересов короны от власти иноземца. В результате образ протагонистки приобретает героические черты и тем самым вписывается в галерею славных представителей королевской династии Бурбонов.

Построение повествования, суждения и интонация мемуаристки свидетельствуют о том, что, согласно замыслу, созданный образ должен стать достаточно ясным подтверждением благородства ее намерений. Незначительность временной дистанции между описываемыми событиями и моментом их письменной фиксации (напомним, что прошло меньше года) определяет почти полную тождественность позиции героини и повествовательницы. Расхождение между ними ощущается только в оценке сражения в Сент-Антуанском предместье, когда Мадемуазель приходит к пониманию того, что приказ стрелять по армии короля стал основной причиной ее опалы. Эта мысль становится своего рода разграничителем между жизнеописанием, созданным на волне недавних ярких впечатлений, и тем образом протагонистки, который возникает в мемуарах после пятилетней опалы.

За время ссылки отношение Мадемуазель к противостоянию фрондеров и двора заметно изменилось. Показательно, что в описании жизни в Сен-Фаржо очень мало отсылок к событиям 1652 г. Герцогиня дважды дает новое объяснение своих действий в период Фронды: сначала в беседе с королевой, а затем с Людовиком XIV. Ее формулировки в обоих случаях практически совпадают, что говорит об осознанной позиции, по всей видимости, ставшей результатом длительных размышлений в годы немилости. Поступки, вызвавшие неудовольствие двора, она называет «следствием несчастья находиться с людьми, вовлекшими меня в дела, где мой долг обязывал меня действовать так, как я поступала» (469). Очевидно, что на место былого восхищения своим героизмом приходит трагическое осознание ложно понятого долга и желание объяснить все обстоятельства королю, сохраняя при этом чувство собственного достоинства, но избегая свойственной многим мемуаристам оправдательной интонации.

Рассказывая о годах опалы, Мадемуазель значительно чаще обращает внимание на свое душевное и физическое состояние. Она делится переживаниями из-за «домашней войны» с придворными дамами, жалуется на бытовые неудобства (особенно в момент побега из Парижа и в течение первых дней опалы), пишет о болезнях и недомоганиях, многократно упоминает о печали и слезах. Мемуары показывают, что за время ссылки наибольшие огорчения принцессы были вызваны

конфликтом с отцом, усилившим ощущение ее отверженности от королевской семьи. Их ссора имела для герцогини де Монпансье тяжелые моральные последствия и привела к глубоким страданиям из-за необоснованных обвинений, узвленной гордости и одиночества. Мемуаристка пишет, что после приказа отца об отзыве ее верных помощников, она «принимала решения совсем одна, поскольку не у кого было спросить <...> совета» (367) и в конечном итоге вынуждена была согласиться на примирение с Мазарини. В письме к принцу Конде она объяснила свое решение необходимостью «избавиться от гонений его королевского высочества» (359). Нападки со стороны отца только усугубили и без того достаточно сильное неудовольствие Мадемуазель его поведением в период Фронды. Это привело не только к отмеченному выше изменению ее взглядов на собственную роль в событиях марта-июля 1652 г., но и к критической оценке роли Месье в ее судьбе. Считая себя отныне жертвой окружения, она в числе главных виновников своей опалы называет именно отца: «...я была преступна только потому, что была дочерью его королевского высочества» (453).

Мадемуазель стоически переживала участь опальной принцессы и старалась не нарушать наложенных запретов. На это, например, указывают ее пояснения, касающиеся визита к английской королеве: «Я бы проехала мимо в страхе вызвать неодобрение двора, поскольку пребывать в окрестностях Парижа и принимать визиты отовсюду, будучи в изгнании, довольно приятно, но я не знаю, так ли это для тех, кто нас изгнал, следовательно, надо соблюдать осторожность» (390–391). Спустя некоторое время после этого визита она с той же невозмутимостью еще раз проехала мимо Парижа, несмотря на возражения своих придворных дам. «Что касается меня, – пишет Мадемуазель, – то я смотрела на него без малейшего желания, как светская особа, наиболее равнодушная ко всему» (398).

Как видно из приведенной цитаты, положение изгнанницы не мешало герцогине де Монпансье сохранять высокое королевское достоинство. На протяжении мемуарного повествования это подтверждает поведение самой протагонистки, а также примеры, демонстрирующие отношение к ней как к принцессе, которую положение ссыльной ничуть не уронило в глазах французов. Так, рассказывая о том, как в Монтаржи ей предоставили караульных, а при посещении Сомюра приветствовали пушечными залпами, словно она не была в опале, мемуаристка вновь стремится подчеркнуть нерушимость связей с королевской семьей и возвысить образ героини.

Это намерение поддерживает описание повседневной жизни протагонистки в Сен-Фаржо. Она развлекалась всеми доступными изгнаннице способами: охотилась, приглашала театральных актеров и устраивала представления, общалась

с навещавшими ее вельможами, путешествовала по окрестностям, читала, вела переписку и т. д. За время опалы в обычное для герцогини времяпрепровождение не вписывались лишь обустройство старого замка и контроль за текущими расходами. Обращает на себя внимание отношение Мадемуазель к этим новым видам ее деятельности. Неоднократно упоминая о финансово-хозяйственных делах, она называет их достойными принцессы и ссылается на примеры из истории, вспоминая инфанту Изабеллу и герцогиню Тосканскую. Изгнание оказалось полезным и для интеллектуального развития герцогини, так как именно в это время она начала изучать итальянский язык, чтобы читать в оригинале Тассо. Многочисленные занятия настолько увлекали Мадемуазель, что вызвали неожиданные для нее самой эмоции в предверии окончания ссылки: «Я вернулась в Сен-Фаржо с привычной радостью, но вместе с тем с сожалением из-за уверенности в том, что вскоре его покину; по правде говоря, я не чувствовала от этого той радости, какую можно было бы предположить. Я находила тысячи вещей, о которых сожалела...» (441).

За время опалы Мадемуазель сохранила присущие ей гордость, независимость, силу характера, чувство собственного достоинства. Невозможность вести придворную жизнь тяготила ее гораздо меньше, нежели разлад отношений с королевской-матерью и Людовиком XIV. Она думала о том, как получить монаршее прощение, в неизбежности которого, впрочем, не сомневалась. Ради смягчения своей участи Мадемуазель даже рассматривала возможность монастырского уединения. Хотя речь не шла о религиозном порыве, но лишь о способе приблизить момент возвращения в лоно королевской семьи, сами размышления на эту тему демонстрируют изменение в ее внутреннем мире. Перенесенные невзгоды сделали герцогиню более чувствительной, склонной к рефлексии и самоанализу.

Поворот к внутренней жизни, ставший следствием пребывания в изгнании, подтверждает и визит Мадемуазель в Пор-Рояль-в-Полях. Знаменитый монастырь она посетила незадолго до прибытия ко двору, получив возможность познакомиться с жизнью обители и пообщаться с Робером Арно д'Андили, некогда состоявшем на службе у ее отца. Рассказ о монастыре она предваряет кратким экскурсом в историю янсенизма и дает весьма благожелательную оценку как его крупнейшим представителям (Сен-Сирану, Арно, Лемэтру), так и остальным отшельникам, покинувшим свет ради уединенной жизни: «Они писали и делали великолепные переводы, трудились в своих садах, помогали местным беднякам, словом, вели незаурядную жизнь» (448). Не вдаваясь в теологические споры, Мадемуазель восхищается их добродетельными нравами, искренним благочестием, образовательной системой и выражает уверенность в том, что «те,

кого называют янсенистами, не делали ничего противного служению королю» (449). Мемуары отражают факт разногласий между иезуитами и янсенистами, а также недоверие по отношению к последним, объясняющее в том числе особое любопытство, проявленное героиней во время визита в Пор-Рояль-в-Полях. С удивлением обнаружив там уклад, ничем не отличающийся от других монастырей, она охотно согласилась на просьбу Робера Арно засвидетельствовать это при дворе. Согласно данным «Словаря Пор-Рояля», свое слово Мадемуазель сдержала⁷. Эпизод с посещением монастыря показывает, что за время опалы Мадемуазель стала проявлять больший интерес к духовно-нравственной составляющей личности, что в последние годы ее жизни вылилось в создание сочинений на религиозные темы.

Итак, описанный в «Мемуарах» герцогини де Монпансье период ее опалы дает возможность увидеть трансформацию образа протагонистки. На смену ностальгически окрашенным воспоминаниям детства и вдохновенному любованию героикой собственных действий в период Фронды приходит иное наполнение образа героини, связанное с усилением интроспекции. Королевская немилость ускорила взросление Мадемуазель, способствовала изменению ее взглядов на противостояние двора и фрондеров, а также собственную роль в событиях гражданской смуты. Образ принцессы показывает, что, сохраняя в изгнании королевское достоинство и многие внешние атрибуты привычной жизни, она, тем не менее, все больше тоскует об утраченной гармонии отношений с королевской

семьей. В такой ситуации жанр мемуаров становится для Мадемуазель де Монпансье наиболее приемлемым видом деятельности, позволившим отчасти компенсировать горечь опалы.

Примечания

- ¹ *Mademoiselle de Montpensier*. Mémoires : en 2 t. Paris, 1985. Т. 1. Р. 21. Здесь и далее текст цитируется в нашем переводе по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ² *Неклюдова М.* Искусство частной жизни : Век Людовика XIV. М., 2008. С. 328.
- ³ Подробно о первом литературном опыте Мадемуазель, который в мемуарах имеет название «Жизнь госпожи де Фукероль» («*Vie de madame de Fouquerolles*»), но был опубликован как «История Жанны Ламбер д'Эрбинни, маркизы де Фукероль» («*Histoire de Jeanne Lambert d'Herbigny, marquise de Fouquerolles*», 1653) см.: *Garapon J.* La culture d'une princesse. Ecriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627–1693). Paris, 2003. Р. 90–102.
- ⁴ О параллелях между мемуарами королевы Маргариты и Мадемуазель де Монпансье см.: *Garapon J.* La culture d'une princesse. Ecriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627–1693). Р. 112–120.
- ⁵ О детских годах Мадемуазель де Монпансье см. подробнее: *Павлова С. Ю.* Детство в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 63–67.
- ⁶ *Garapon J.* La Grande Mademoiselle mémorialiste. Une autobiographie dans le temps. Genève, 1989. Р. 183.
- ⁷ См.: *Dictionnaire de Port-Royal*. Paris, 2004. Р. 744.

УДК 821.161.1.09-2:782.6+725.821(470)|17|

РУССКАЯ КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА XVIII ВЕКА В ЕЕ СВЯЗЯХ С ЛИТЕРАТУРОЙ И ТЕАТРОМ (на примере оперного творчества В. А. Пашкевича)

И. В. Полозова

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
E-mail: i.v.polozova@mail.ru

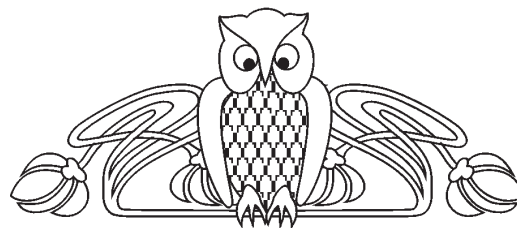
Статья направлена на изучение становления и развития русского музыкального театра XVIII в. В центре внимания – оперное творчество В. А. Пашкевича, на примере которого прослеживаются тесные взаимодействия русской литературы и музыки, а также выявляются основные типологические признаки русской комической оперы.

Ключевые слова: русский музыкальный театр XVIII века, Пашкевич, русская драматургия, комическая опера.

The Russian Comic Opera of the XVIIIth Century in Its Links with Literature and Theatre (on the Example of the Opera Oeuvre of V. A. Pashkevich)

I. V. Polozova

© Полозова И. В., 2016

The article studies the formation and development of the Russian musical theatre of the XVIIIth century. It focuses on the opera oeuvre of V. A. Pashkevich; close links between the Russian literature and music are traced in it; the major typological features of the Russian comic opera are singled out.

Key words: Russian musical theatre of the XVIIIth century, Pashkevich, Russian drama, comic opera.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-53-59

XVIII столетие вошло в русскую культуру как время освоения идеологии Просвещения, время становления профессиональной литературной, живописной, композиторской школ. С 1740-х гг. в отечественном искусстве утверждается классицистская эстетика. Русский классицизм, выросший на эстетических идеалах классицизма французского, актуализировал многие релевант-